

своей книге я предпринял попытку исследовать и показать основные стороны жизни новгородского общества начала XVII в. Не политическая жизнь эпохи, не архив Новгородской приказной избы, а именно новгородцы — дворяне и дети боярские, а также приказные, жившие в те годы на Северо-Западе, представляли главный объект изучения.

Основной источник проведенного исследования — архив Новгородской приказной избы, ныне разрозненный по нескольким архивохранилищам и лишь частично опубликованный, — представляет собой целостный комплекс. Примерный его состав и номенклатуру документов мне, как кажется, удалось определить. Архив включает документацию новгородских Дворца, Разряда и Поместного приказа, действовавших в этот период и возглавлявшихся цветом новгородской бюрократии — дьяками Семеном Лутохиным и Пятым Григорьевым. Дьяк Иван Тимофеев, живший в Новгороде при шведах, активного участия в управлении городом не принимал.

Спорным остается вопрос о том, каким было реальное влияние на управление городом и землей шведской администрации. Предположу, что это влияние менялось со временем, усиливаясь вместе с осознанием шведскими властями, что из Новгорода скоро придется уходить.

Материалы архива в сопоставлении с другими документами, связанными с Новгородом начала XVII в., позволяют провести просопографическое исследование — проследить судьбы нескольких тысяч новгородцев, живших в изучаемый период. Это много. Известно, что к февралю 1617 г. в Новгороде оставалось лишь несколько сотен человек. Сохранившиеся дозорные и даточные книги 1611–1615 гг., а также подготовительные материалы к ним

(обыски, росписи поместных дач и проч.) дают возможность довольно точно исследовать состав новгородского служилого города и происходившие в нем изменения в годы Смуты. Бесценным дополнением к этим материалам служат комплексы дел о поместьях, достаточно полно сохранившиеся.

Документы архива Новгородской приказной избы представляют Новгород и Новгородскую землю как огромную, многообразную территорию, с живыми людьми, ее населявшими, боровшимися за поместья, воевавшими, любившими, доносившими друг на друга. Несколько тысяч человек, чьи судьбы затронуты в настоящей работе, выглядят не очень похожими, разнообразны и их жизненные пути. Политическое образование, к которому они в то или иное время относились, эпоха, исполненная бурных перемен, — наложили огромный отпечаток на их судьбы.

Проблема новгородско-шведского альянса начала XVII в. должна рассматриваться как проблема взаимоотношения двух соседских культур, имевших к 1611 г. значительный опыт взаимодействия. И Шведское, и Московское государства только что, в XVI в., пережили этап становления, включавший в себя, кстати, и утверждение государственной идеологии. Для Швеции это Реформация, проведенная «королем-освободителем» Густавом Вазой, для России — цепь религиозных реформ конца XV — начала XVI в., получивших свое оформление в актах Стоглавого собора. Ч. Даннинг убедительно показал, что рассматривать события начала XVII в. в Московском государстве следует в контексте политических кризисов конца XVI — начала XVII в. во всех европейских странах¹. Это касается и наиболее близких соседей — Речи Посполитой и Швеции². И. Граля предлагает удачную сравнительную рамку для Смуты — это Потоп в Речи Посполитой³. Высказываются мнения о плодотворности рассмотрения в этой рамке и украинской Руины.

Режим, сложившийся в Новгороде в начале 1611 г., был особым организмом, развитие которого удалось проследить более или менее подробно. По документам 1611–1617 гг. устройство альянса выглядит следующим образом: порядок в нем должны были поддерживать шведские военные гарнизоны, руководимые офицерами, а обеспечение этих войск брали на себя новгородские дворяне. Такая конфигурация власти детерминировалась

¹ *Dunning Ch. The precondition of Modern Russia's First Civil War // Russian History/Histoire Russe. Vol. 25. Nr. 1–2 (Festschrift for A. A. Zimin). 1998. P. 119–131.*

² Примечательно, что за несколько лет до Смуты Борис Годунов пытался влиять на политический кризис в Швеции, запирая и открывая дорогу из Выборга в Нарву, тем самым вмешиваясь в политику ближайшего соседа, имея целью аннексию прибалтийских городов. Таким образом, интерес Карла IX к делам в Московском государстве был вполне объяснимым.

³ *Граля И. Возрождение из небытия: Смута и Потоп на перепутьях национальных мифологий // Смута в России и Потоп в Речи Посполитой: Опыт преодоления государственного кризиса в XVII столетии. М., 2016. С. 10–48.*

договоренностями новгородцев со шведами и жестко соблюдалась. Именно новгородским дворянам, назначенным в «острожки» — небольшие земляные крепости, возведенные в 1611–1612 гг. по всей территории Новгородской земли, приходилось чаще всего общаться со шведами.

В 1611 г. Новгород вступил в переговоры с Делагарди. Соглашение об установлении мира и порядка хотя бы на территории, непосредственно прилегавшей к Новгороду, отвечало устремлениям широких слоев новгородского общества, а в первую очередь наиболее социально активной категории населения — дворян и детей боярских. Приход шведов в 1611 — начале 1612 г. оценивался новгородцами как обретение твердой надежной власти. Но в течение нескольких дней, а то и недель после штурма порядка в городе не было. Он начал устанавливаться только к августу 1611 г. В делах этого времени почти незаметно шведское присутствие. Редкие упоминания о «новгородском взятии» и о деятельности (поездках, обустройстве в городе) генерала Делагарди лишь оттеняют течение повседневной жизни города. Этот этап, с лета 1611 до лета 1613 г. — период широкого компромисса между шведской администрацией и новгородцами. Обе стороны изо всех сил пытаются следовать взятым на себя обязательствам. Характер массовой кампании приобрел сбор денег для компенсации новгородцам за потравленное зимой 1611/12 г. шведской армией сено и на уплату заемных денег шведскому «палатнику Клаусу Храмбору». Ничего подобного в последующие годы документы не показывают.

Лето 1612 г. — время относительных успехов в стабилизации фискального положения (собирались недоимки за прошлые годы с тех территорий, на которых в 1608–1610 гг. власти не было вовсе), успехов военных (подчинены все новгородские пригороды и Гдов), а также интенсивных (и конструктивных) переговоров с Ярославлем. Однако именно в это время отмечаются первые сбои в деятельности администрации. Не удастся составить описание Старорусского уезда. Возникают перебои со снабжением шведских войск (в Старой Руссе и в Ладогe). Не удастся наладить дорожную сеть в Новгородской земле. Зима 1612/13 г. прошла в ожидании избрания царя в Москве. Г. А. Замятин настаивает на том, что первоначально кандидатура шведского принца победила на избирательном соборе. Однако уже к апрелю 1613 г. в Новгороде было известно о выборе на царский трон Михаила Романова.

Лето 1613 г., ознаменованное началом массового перехода новгородцев на московскую сторону (наиболее активно происходившее в Тихвине и Гдове) и одновременно Выборгскими переговорами с Карлом Филиппом, выдалось действительно кризисным. Несомненно, активность Москвы на северо-западном направлении имела большое значение. Поход Л. А. Вельяминова на Псков (закончившийся в Тихвине) и, особенно, начало движения войска кн. Трубецкого на Запад начало менять ситуацию в Новгороде. Политические

силы вступили в противостояние за «тела и души» новгородцев. На стороне шведской партии было право присяги; на стороне Москвы — имя «природного государя». Именно в этом поле и проходила дальнейшая дискуссия.

Очень много новгородцев бежало в Псков (и, видимо, в Торжок и Осташков) зимой 1613/14 г. — именно тогда, когда кн. Д. Т. Трубецкой посылает в Новгород листы-прокламации. Полагаю, их действие было чрезвычайно эффективным. 1614 г., хоть и не принес московской власти однозначной победы (стояние Трубецкого под Бронницами — скорее военное поражение), но, тем не менее, была одержана победа в борьбе «за души новгородцев». Однако присоединение многих новгородских помещиков к московскому войску часто определялось тем, что это войско проходило через их деревни. Как показал О. А. Курбатов, так обстояло дело при движении Л. А. Вельяминова к Тихвину¹.

Отмеченный период оказался достаточно тяжелым для еще не принявших окончательного решения. В итоге выбор в пользу новой власти в Москве как новгородцами, так, возможно, и другими городами Московского государства был сделан позже. Свою роль сыграла и перемена власти в Новгороде. Отъезд Делагарди в «отпуск» и смена его Эвертом Горном изменила взаимоотношения власти и общества. Именно к этому времени относится попытка привести новгородцев к присяге шведскому королю и отказ большинства присягать. Отсрочка с присягой и посольство хутынского архимандрита Киприана в Москву стали, видимо, крупной победой тех новгородцев, кто, не представляя себе независимого Новгорода (или Новгорода в составе Шведского королевства), все же не слишком был уверен в позициях Михаила Романова на царском престоле и считал Новгород вправе именоваться «Новгородским государством». Имена этих людей известны. Несомненно, к ним принадлежал и архимандрит Киприан. Близких взглядов, скорее всего, придерживались боярин кн. И. Н. Большой Одоевский, кн. Н. Я. (К.) и И. А. Мещерские, Г. Н., Ф. Н. и М. Ш. Муравьевы, Н. В. и Я. Н. Вышеславцевы, новгородские дьяки. После возвращения посольства Киприана из Москвы именно эти люди стали своего рода «пассивной оппозицией» в Новгороде, отказавшись от присяги Густаву Адольфу. Я нарочно не называю здесь Я. М. Боборыкина. Личность этого человека неоднократно подвергалась биографическому изучению. Для Г. А. Замятина основным источником для оценки Боборыкина была его челобитная 1622 г. О его политической позиции до участия в посольстве 1615 г. в Москву мало что известно.

Период после июня 1615 г. может именоваться «шведской оккупацией». Термин «оккупация» вызывает в современном русском языке коннотации, вызванные осмыслением трагических событий XX в. (ср. термин польская,

¹ Курбатов О. А. Тихвинское осадное сидение 1613 г. М., 2006. С. 12.

польско-шведская «интервенция»¹). В данном случае его применение, пожалуй, вполне правомерно. Именно после жесткого выбора, поставленного администрацией Горна перед новгородцами о присяге/неприсяге королю Густаву Адольфу, и репрессивных мер по отношению к неприсягнувшим можно говорить и о коллаборационизме в Новгороде, выразившемся в присяге части новгородцев Густаву Адольфу. К отказавшимся подчиниться применен был в первую очередь финансовый гнет — непосильные денежные поборы. Казни и другие способы физического насилия шведская администрация не практиковала. Показательно, что отказ дьяческого корпуса от присяги привел к переходу приказной власти к подьячему Григорию Собакину и назначению ему в товарищи (с правом визировать документы) загадочного по происхождению переводчика «Ирика Ондреева» (Эрика Андерссона). Именно после Пасхи 1615 г. боярин кн. И. Н. Большой Одоевский оказался фактически отстранен от власти.

Оккупационный режим Горна и позднее возвратившегося в Новгород и сменившего Горна фельдмаршала Делагарди был вызван осознанием необходимости в какой-то момент Новгород покинуть. Это понимали новгородцы, остававшиеся в зоне оккупации. Вместе с тем весь период до марта 1617 г. являет собой попытку всех сторон договориться друг с другом в условиях продолжавшегося ограбления Новгорода шведскими войсками. Итогом новгородско-шведского альянса стал Столбовский мир 1617 г., по которому Новгород, Порхов, Ладога и Старая Русса возвращались под власть московских царей. Процесс инкорпорации Новгорода в Московское государство был политически выверен. Москва объявила полную амнистию всем служившим при шведах и воевавшим против москвичей в 1614–1616 гг., а также зачет всех служб и пожалований. Исключением может считаться опубликованное в «Актах Археографической экспедиции» дело, известное еще Г. А. Замятину, о попытке новгородцев Григория и Максима Загоскиных и Богдана Дубровского вернуть себе пожалованные им «при немцах» поместья в Старорусском уезде, вызвавшей резкую отповедь московского правительства². В то же время другие поместья, нажитые в годы существования новгородско-шведского альянса, а также поместные и денежные оклады

¹ Ср.: Назаров В. Д. Что мы празднуем 4 ноября? // Мининские чтения 2006. Н. Новгород, 2007. С. 236. Сн. 2. «Понятие интервенции применительно к захватнической политике Речи Посполитой, а также Швеции в отношении России в начале XVII в. закрепилось в советской историографии под влиянием оценок действий иностранных государств в России начала XX века. В этом смысле оно не соответствует “политическому словарю” XVI–XVII вв. Думаю, однако, что при ясном истолковании смыслового содержания этого термина нет нужды отказываться полностью от него».

² Царская грамота старорусскому воеводе Боборыкину по челобитью старорусских посадских людей об отобрании от дворян и детей боярских розданных им дворцовых и черных волостей. 1617. 11.07 // ААЭ. Т. 3. № 91. С. 124–125.

после 1617 г. пересмотрены не были. Оклады же подьячих только выросли. Объявление социального мира в Новгороде представляется своевременным и мудрым поступком московских правителей. Опыт таких компромиссов был у людей, пришедших к власти в Москве в 1613 и 1619 гг. Еще С. В. Бахрушин писал о том, что правители эти выросли преимущественно из бывших тушинцев. Сами ополчения создавались на началах широкого компромисса, в первую очередь политического. Второе ополчение добавило к этому компромисс социальный.

Все обозначенные политические события в целом достаточно хорошо исследованы. В их контексте важно определить поведение самих новгородцев в эти годы, а также те факторы, которые влияли на изменения в городской жизни.

Прежде всего, стоит указать на характерную для начала XVII в. проблему распространения известий. Движение информации не поспевало за темпом политической жизни. Это равным образом относится как к событиям с избранием царей (Владислава, Карла Филиппа, Михаила Романова), так и к необходимости полководцам, одержавшим военные победы, оперативно принимать политические решения (Делагарди в Новгороде, Жолкевский в Москве), не имея возможности узнать мнения на этот счет своих монархов. Стороны были вынуждены пользоваться слухами о политических событиях, порой чрезвычайно фантастичными, что приводило к политическим просчетам, неоправданным обещаниям.

Новгородско-шведский альянс был реальной альтернативой тому пути, по которому пошло Московское государство в 1613–1619 гг. В новгородском обществе в 1611–1617 гг. наблюдались серьезные изменения, касавшиеся повседневной жизни, причину которых следует искать не только в протекавших внутренних процессах, но и в контактах со шведами. Заметно повысилось значение и самоуважение дворян и детей боярских. Они перестали называть себя уменьшительными именами (что официально было отменено в России только в начале XVIII в. при Петре Великом). Большое число людей в Новгороде (практически все служилое сословие) получило право на уважительное обращение по отчеству (с -вичем). Такая практика вошла в русский повседневный обиход окончательно только в начале XIX в. В то же время, именно в Новгороде 1611–1617 гг. наблюдается засилье приказной бюрократии, такое, какого не было в России вплоть до XIX в. Бюрократы того времени представляются наиболее обеспеченным сословием. Потенциал злоупотреблений, открывавшийся перед ними, не сравним с возможностями их старших коллег в XVI в.

Новгородское общество начала XVII в. видится в высшей степени социально неоднородным. В городе присутствовали (волей обстоятельств и намеренно) члены Государева двора и другие иногородние. Преимущественно

они интегрировались в городскую служилую корпорацию, но при первой возможности эмигрировали в Москву. Как и у новгородцев, у них были внятные взаимоотношения с шведской администрацией. Именно московские чины играли важную роль в дипломатической жизни Новгорода той поры.

Наблюдения показывают достаточно высокую социальную мобильность служилого сословия Новгорода. Источники фиксируют множество случаев перехода детей боярских в казаки, подьячие и рассыльщики. Следует специально остановиться на т. н. «служилой мелкоте» — своеземцах, новокрещеных и некрещеных татарах, владычных детях боярских. Именно эта социальная группа, по мнению многих исследователей, была опорой самозванцев. Полагаю, такое утверждение справедливо. Действительно, служилая мелкота представляется податливой средой, наиболее подверженной политическим ветрам. Обращает на себя внимание высокая социальная мобильность и политическая неустойчивость городских своеземцев северо-западных крепостей, Орешка, Яма, Копорья. Они быстро приставали к «воровским» правительствам, отчаянно сопротивлялись осадам. Представители этой группы после Смуты наиболее активно интегрируются в другие страты общества.

Особое место в структуре новгородского служилого сословия занимала приказная бюрократия — дьяки, подьячие, рассыльщики. Они являют собой наиболее консервативную общность. Не случайно именно низшие приказные продолжают служить на своих местах вплоть до марта 1617 г. Ничтожно мало их и среди перебежчиков на московскую сторону. Практически за полем документов остается информация о средствах существования этих людей, при мизерном жаловании распоряжавшихся крупными суммами. Информация о нескольких ревизиях приказов (самая известная была связана с судебным делом против Ивана Тимофеева) не отвечает на вопрос о том, откуда в руках приказных скапливались серьезные ресурсы.

Исторический ландшафт Новгородской земли в начале XVII в. заметно менялся. В первую очередь стоит отметить широкое строительство укреплений в сельской местности (после 1617 г. этот процесс продолжался уже как укрепление границ). После 1614 г. в Новгородской земле существовали значительные пустые пространства, вовсе лишенные населения. Выделяются целые районы, где жили помещики без крестьян. Это создавало и специфический характер службы, особенно в 1615–1616 гг. Одно из дел Новгородской приказной избы дает возможность понять, из чего состояла такая служба уже в 1612 г.¹ Приписанные к Бельскому острожку дети боярские должны были ездить по опустевшим деревням, конфисковывать хлеб у землевладельцев и крестьян и искать утаенный.

¹ Приходные книги Бельского острожка. 1612, январь — март // RA. NOA. Serie 1:36.

Рядом с такими разоренными территориями существовали довольно благополучные дворцовые волости (Тесово, Королево, Ракомо, Трясово), активная сельскохозяйственная жизнь в которых продолжалась до 1617 г.

Есть возможность составить мнение и о некоторых сторонах жизни новгородцев в 1611–1617 гг. Сохранившиеся документы и материалы Новгородской приказной избы позволяют судить о методах, использовавшихся в политической борьбе, о жилище новгородцев (в первую очередь, о сельских помещичьих усадьбах), о семейных и родственных отношениях, слухах, распространявшихся в Новгороде в рассматриваемый период, о приходской жизни новгородцев, о так называемых «горизонтальных связях» новгородского общества, о том фоне, на котором протекала их жизнь.

В заключение вернусь к наиболее распространенным в историографии мнениям о «прямизне» и «кривизне» новгородцев 1611–1617 гг. Как представляется, всерьез принимать тезис о «немецком плене» новгородцев и «годах шведской оккупации/интервенции» не приходится. Однако и суждение о готовности большей части новгородцев принять кандидатуру Карла Филиппа небесспорно. Тот эффект, который произвели на новгородцев грамоты Трубецкого, массовый отъезд новгородцев, начиная с лета 1613 г., сдача Гдова и Тихвина, попытка сдачи Порхова — не подтверждают это мнение безоговорочно. Надо думать, идея национального правительства среди новгородцев на заключительном этапе Смутного времени была достаточно популярна.

Связь между общественной жизнью в Новгороде в 1611–1617 гг. и «новгородскими традициями эпохи независимости», часто декларируемая в научно-популярных исследованиях, не прослеживается (равно как и, к примеру, связь между «традициями независимости» Пскова и Псковским восстанием 1650 г.). При этом нельзя отрицать присутствия в методах ведения диалога шведской власти и новгородского общества 1614 г. опоры на «старину»; однако «старина» эта уходит своими корнями в XVI в.

